

Много лет назад в годовщину начала Великой Отечественной войны мне довелось взять интервью у генерал-майора медицинской службы Г.Алексеева, который лечил маршала Г.Жукова. Уже не молодой, доброжелательный, интеллигентный доктор рассказывал о Георгии Константиновиче с огромным уважением и почитанием. Недавно на телеэкране прошел фильм под названием «Жуков», и в нем было немало эпизодов, о которых еще 20 лет назад рассказывал военный доктор. Нахлынули воспоминания...

Г.Алексеева уже нет в живых, но его мнения, мысли о маршале Победы так же свежи и интересны. Мы разыскали в наших архивах тот номер газеты и сегодня, накануне Дня Победы, публикуем материал с небольшими сокращениями.

— Георгий Константинович, много лет вы консультировали маршала Жукова, своего тезку, бывали у него дома. Как вы с ним познакомились и какими оказались первые впечатления от героя войны, полководца?

— Моим вторым родным домом в начале 70-х годов был Главный военный клинический госпиталь им. Н.Н.Бурденко, где я служил главным терапевтом. В нем работала с недавних пор старшим ординатором Галина Александровна Семёнова, жена Георгия Константиновича, женщина большого сердца, которую глубоко уважали, любили за доброжелательность и мягкость и больные и сослуживцы. Однажды она обратилась ко мне с просьбой «посмотреть Георгия», у которого было что-то с сердцем. В первую минуту я растерялся — маршала наблюдали врачи «кремлевки», а там лучшие доктора, светила. Мое появление в доме могли расценить как недоверие к ним, что ставило меня в трудное положение. Но и отказать Галине Александровне я не мог. С тревогой и сомнениями всё же дал согласие проконсультировать маршала, и мы отправились на дачу в Сосновку, что на Рублёвском шоссе. Здесь опальный маршал жил со своей второй семьей. Георгий Константинович в тот первый раз, даже будучи больным, оказался таким, как я его себе и представлял: подтянутым, но малоразговорчивым, даже замкнутым. Конечно, он был не здоров, и трудно было ожидать, что я увижу оживленного человека. Отвечал он по-военному четко и просто. Врачи ставили ему диагноз «ишемическая болезнь сердца», но мне показалось, что дело обстояло гораздо серьезнее, и я пригласил заведующего отделением функциональной диагностики нашего госпиталя, чтобы сделать пациенту расширенную кардиограмму. Действительно, у Жукова оказался инфаркт. С тех пор Георгий Константинович стал доверять мне безоговорочно, и по его приглашению я приезжал в Сосновку не раз. Нельзя сказать, что я стал другом семьи, но таким своеобразным личным, официально прикрепленным доктором маршала. Не скрою, мне это льстило, да и кремлевские врачи с тех пор не возражали против таких визитов. Я обязан был по первому же вызову приезжать, смотреть, консультировать, лечить маршала. У него собирались прекрасные с моей точки зрения доктора. Это терапевт А.П.Милашенко, невропатолог О.М.Дурылина. Нередко здесь бывали академики АМН СССР Е.В.Шмидт, Е.И.Чазов. Лечили его в тот раз дома, уход был отличным, так что он стал быстро поправляться, а уже вскоре ходить сначала по дому, а затем

около рабочих, посыпались десятки вопросов. Ну что он мог им тогда сказать? Для Жукова с его маршалским званием перенести всё это было нелегко. К тому же от него тогда отвернулись все друзья-товарищи, кроме И.Х.Баграмяна и А.Н.Косыгина. Баграмян продолжал бывать у него дома, а Алексей Николаевич, хоть и не приезжал в дом, но писал, общался с Георгием Константиновичем не через секретаря, а лично, и позже, когда маршал был в тяжелом состоянии, благодаря помощи премьер-министра

ним дело как с пациентом, нуждающимся в помощи. Нередко спрашивают, да и сам я не раз задавался таким вопросом, почему маршал живет всё время на даче? Конечно, там природа, воздух, большой дом, но мне как-то пришлось побывать в его квартире на набережной Шевченко. И многое прояснилось. Вход в подъезд — под темной аркой, вечером и не заметишь. А совсем рядом, за углом, — шикарный подъезд с большой медной табличкой «здесь живут сотрудники Посольства ФРГ». Ну не насмешка ли? Хотя уверен,

чилс тяжелейший инсульт и его перевезли в больницу на улице Грановского, он несколько дней находился в безнадежном состоянии. Но давайте вспомним, что это была за пора. Он тогда написал уже свою книгу, а она никак не могла появиться в свет. Из ведомства, куда ее послали «на просмотр» членам Политбюро, не поступало ответа — ни да, ни нет. Но сколько, по словам Галины Александровны приходило всяких «мнений», будто он, автор и участник описываемых событий, хуже их, не бывавших на фронтах, в его роли, знали, как все происходило. А он буквально жил тогда своей книгой. Но Георгий Константинович умел не только терпеть, но обладал железной волей, не в пример многим. В то время у него появились сильнейшие головные боли, которые мучили его до конца дней. Избавлением от них были наркотики. Но Георгий Константинович, зная о последствиях этого зелья, наотрез отказался от них, выдерживал мучительные страдания, несмотря ни на что, но ни разу не позволил сделать себе обезболивающий укол. Слабый такого не выдержал бы.

— Как, по-вашему, относится ли к Жукову афоризм «Ничто человеческое ему не чуждо»?

— Думаю, что как человеку с большими страстями в большей степени, чем к любому из нас. Тот же его второй брак с Галиной Александровной, работавшей врачом в нашем госпитале. Ведь он любил ее, как мне кажется, со всею страстью души. Свою дочь Машу обожал. С ними он позволял себе быть нежным, ласковым, самим собой. Ну кто ему, забытому, опальному в те годы, стареющему маршалу, кроме Гали, мог сказать, когда они собирались на прием или в театр: «Георгий, а почему ты не надеваешь свои четыре звезды Героя Советского Союза?» Ему было неловко делать это «напоказ», а ведь он их заслужил в честных боях. В то время многие из наших руководителей страны, недостойные и части своих звезд, в большом количестве демонстрировали их на себе на всех приемах и торжественных собраниях.

Видел я его и в горе, когда он похоронил любимую жену. Он сразу как-то сдал и, думаю, от этого удара уже не оправился до конца своих дней.

— Вы были одним из немногих людей, которые присутствовали при последних днях маршала. Какими запомнились они вам?

— За 2-3 месяца до смерти Георгий Константинович попал в неврологическое отделение, поскольку страдал нарушением мозгового кровообращения. Уже тогда у него часто наблюдалось плохое настроение, однажды он даже спросил, что здесь делаю я (обо мне речь шла в третьем лице). Потом всё наладилось. Но вскоре развился очередной инфаркт и нарушилось мозговое кровообращение. 25 дней он находился без сознания, и приходилось только удивляться могучему организму, выдержавшему все «пытки» современной техники. Я приходил к нему в больницу, но помочь уже ничем не мог.

Беседу вела
Валентина ЗАЙЦЕВА.

НА СНИМКАХ: Георгий Жуков «при параде» и на фронте.

Из архива «МГ» — «Медицинская газета» № 19 от 08.05.1991.

9 мая — День Победы

Личный доктор маршала

Георгий Жуков ни разу не позволил сделать себе обезболивающий укол...

к нему из-за границы приезжали лучшие врачи.

И всё же в периоды благополучия, а таких дней немало было и у него, несмотря на свалившиеся несчастья, он вдруг смягчал, становился простым и очень близким. Когда Георгий Константинович поправился после первого инфаркта, я бывать у него еженедельно, потом раза два в месяц. Настроение у него день ото дня улучшалось, и однажды после такого приезда

он вдруг спросил меня: «А не хотите ли мою дачу посмотреть?» И показал дом, сад, где росло 150 яблонь, площадку для конной езды, заброшенную конюшню — ведь маршал очень любил

это случайное совпадение, но Жукову оно было, видимо, более чем неприятно. Позже он получил хорошую новую квартиру, но, кажется, был там всего один раз.

— В последнее время появляются воспоминания, где говорится о чрезмерной жесткости маршала, его крутом характере. Вы долгие годы общались с ним, как вы объясняете такие эпизоды, черты характера?

— Надо учитывать время, в которое жил Жуков. Тогда многие были жесткими. Жуков к тому же человек военный, и для него вопросы дисциплины — превыше всего. Помню, я, врач, который казался бы, нес ему только добро, помощь, веру в себя, опоздал к нему на 5 минут. Он встретил меня сурово, строго спросил, почему я задержался? Для нас с вами пять минут пустяк, а для него нонсенс. Я своими глазами видел, как он взволновался, для него это означало лишь одно — проявление недисциплинированности. Но это уже натура, характер, и разве можно здесь возразить

лошадей, был когда-то кавалеристом, помните, и парады на Красной площади принимал некогда, сидя в седле. А для этого тоже нужны были тренировки. Вот таким неожиданным, оживленным проявил он себя в тот год. Но такие дни — это редкость. Чаще мне приходилось иметь с

против чего-то? Вот эта его исполнительность, твердость данному слову, может, делали и его собственную жизнь тяжелее. Инфаркты, инсульт — всё это следствия не только войны, несправедливостей, которых он немало натерпелся, но и человеческих переживаний. Когда с ним слу-